

На третий год правления под девизом Тунжэнь столица Великого Янь, почти месяц тонувшая в дождливой мгле, наконец увидела солнце.

Хэ Сы, прижимая к себе сумку с книгами, прикинул в уме: покойный император отправился в последний путь уже почти месяц назад. С восшествием на престол нового государя жалобные причитания и рыдания, не умолкавшие за дворцовыми стенами, поутихли. Уму непостижимо, откуда у этих хрупких господ и дам брались силы рыдать десять-полмесяца кряду. Хэ Сы на такое был не способен: кроме двух притворных слёз, пролитых в день кончины императора, всю остальную траурную пору он перебивался, натирая глаза дольками старого чеснока.

Вспоминая это, Хэ Сы, утирая слёзы и смазывая веки чесночным соком, мысленно сжимал кулак: мужчина должен быть к себе суров!

Теперь, когда все выплакались, а кто должен был — отправился вслед за покойным, жизнь в Запретном городе и за его пределами мало-помалу возвращалась в привычное русло.

Например, Хэ Сы снова был привезён в школу для дворцовых слуг одним из Четырёх Великих Хранителей, подчинённых его приёмному отцу.

С того утра, как Чжао Цзинчжун вытащил его из постели, веко у Хэ Сы дёргалось без перерыва и не унималось даже тогда, когда он уселся на школьную скамью.

В классе было мало народу — право учиться грамоте имели лишь немногие юные евнухи. Но и среди этой горстки людей никто не решался заговорить с Хэ Сы.

Что поделать — ведь у него был приёмный отец, всеильный начальник Палаты, тот самый, что свирепствовал так, что даже сановитого члена Тайного совета мог запросто отправить на тот свет.

Именно поэтому Хэ Сы, не будучи евнухом, спокойно восседал в этом классе, хотя его сердце уже давно улетело за стены — гулять с собакой или разорять птичьи гнёзда.

Хотя напрямую с ним никто не заговаривал, украдливые взгляды со всех сторон на него бросали постоянно.

Здесь были новички, не ведавшие о его подоплёке; были и старожилы, которые его отчаянно завидовали; встречались и те, чьи взоры таили намёк, чьи глаза говорили то, что уста не смели вымолвить...

Привычный ко всему этому, Хэ Сы швырнул сумку на стол и снова, уже машинально, придавил дёргающееся веко. Чутьё подсказывало, что сегодня должно случиться нечто из ряда вон выходящее.

Учитель ещё не пришёл. По словам Чжао Цзинчжуна, его, кажется, заменили на нового. Обучать евнухов — задача не из лёгких. Нужно не только вбить в головы этих с детства неграмотных мальчишек иероглифы, но и уметь совладать с их внезапно просыпающимися чувствами и назойливостью.

Во дворце очень тоскливо, подумал Хэ Сы. Хорошо ещё, что он сам здесь всего лишь временщик, пользующийся чужим влиянием.

Раздался звонок, возвещающий начало занятий. В коридоре послышались шаги — учитель шёл.

Хэ Сы кое-как собрался с духом, но, не успев поднять голову, увидел, как в класс ворвался знакомый человек. Тот, со слезами на глазах, с грохотом повалился перед ним на колени:

— Молодой господин, большая беда! Глава Палаты он...

Остального Хэ Сы не расслышал. Одних слов «большая беда» оказалось достаточно: он сорвался с места и, бросив сумку, помчался к выходу.

Он нёсся так стремительно, что, выскочив за дверь, едва не врезался в людей, как раз входивших внутрь. Первый из них в испуге отшатнулся:

— Это...

Не дав тому договорить, преданный Чжао Цзинчжун уже нетерпеливо взмахнул рукой:

— Прочь с дороги!

Взмах сопровождался лёгким ветерком, но прежде чем рука достигла лица незнакомца, её перехватила другая рука, уверенно сжав запястье. Чжао Цзинчжун не успел и глазом моргнуть, как мощный толчок отбросил его на два шага назад.

Из-за спины вышел человек и с нарочито-беспечной усмешкой произнёс:

— Ого, какой гнев и какие почести! Кто это у нас такой?

Обращались явно к Хэ Сы, но тот был охвачен таким беспокойством, что, пригнув голову и сгорбившись, проскользнул под сцепившимися руками, словно юркая рыба, и умчался прочь, не удостоив собеседников даже взглядом.

Раз Хэ Сы ушёл, Чжао Цзинчжун тоже не стал задерживаться и бросился вдогонку.

Оставшиеся двое проводили их взглядами. Человек в учёной шапке, в длинных одеждах и с книгами в руках нахмурился:

— Кто это был?

Тот, что стоял позади, равнодушно бросил:

— Да никто, скопец.

...

Когда Хэ Сы, полный дурных предчувствий, ворвался в зал заседаний Восточной палаты, он увидел своего «попавшего в беду» приёмного отца, сидящего на почётном месте в полном здравии. По обе стороны от него, затаив дыхание, стояли трое Великих Хранителей (Чжао Цзинчжуна среди них не было).

Старый глава Палаты, перебирая чётки, приоткрыл один глаз, испещрённый морщинами, взглянул на Хэ Сы и неспешно, растягивая слова, произнёс:

— А, четвёртый вернулся.

Хэ Сы был в полном недоумении. Тогда старик продолжил:

— Раз все здесь, у меня есть объявление.

Оказалось, что его приёмный отец, посвятивший всего себя службе Великому Янь, после долгих раздумий решил сложить с себя полномочия и удалиться на покой. Вернуться на родину, купить пару му полей, прибраться к рукам несколько крестьянских дочек и стать местным мироедом-богатеём.

Перед отъездом из столицы он специально собрал своих приближённых, включая приёмного сына Хэ Сы, на прощальное собрание. Возможно, годы, проведённые под жестоким гнётом отца, всё же породили в них некую привязанность, и все присутствующие рыдали в три ручья, то и дело восклицая: «Глава Палаты, не уходите!», «Начальник, мы не можем с вами расстаться!»

В результате прощальный вечер превратился в нечто среднее между панихидой и похоронами — зрелище было душераздирающее.

С тяжёлыми вздохами собрав подношения от собравшихся, приёмный отец, изящно подняв мизинец, приподнял крышечку фарфоровой чашки и сдул пенку:

— Четвёртый, подойди-ка сюда.

Хэ Сы, исполненный трепета, вышел вперёд:

— Приказывайте, отец.

Приёмный отец с отеческой нежностью оглядел Хэ Сы с ног до головы и вздохнул:

— Я всю жизнь усердно трудился на благо государства Великий Янь, всё экономил и копил, так что ничего особого тебе не оставил.

Хэ Сы промолчал. Хэ Сы лишь с болью зажмурил глаза, ослеплённые блеском маленьких золотых слиточков, лежавших рядом с отцом.

— Вот я и подумал, — тонким голосом протянул старик, — сынок у меня один, как говорится, «тише едешь — дальше будешь». С сегодняшнего дня Восточную палату и Дворцовый секретариат я передаю в твои руки.

Едва он закончил, как все окружающие с шорохом опустились на колени и хором воскликнули:

— Поздравляем молодого господина с восшествием на пост начальника Палаты!

У Хэ Сы едва не разорвалось сердце. Погодите-ка, отец! Разве можно решать за человека такое важное дело, как становление евнухом, без его согласия?!

— А, и ещё кое-что, — словно что-то вспомнив, старый глава Палаты долго копался в рукаве, наконец вытащил потрёпанную тетрадку и небрежно швырнул её на стол. — Это мои записи, накопленная за годы службы мудрость. Передаю и их тебе.

Похоже, эта тетрадка была единственной реальной вещью, которую старик оставлял ему. Хэ Сы посмотрел на неё, потом на груды сверкающего золота, и почувствовал, как слёзы готовы брызнуть из глаз, и веки их уже не сдержат.

Так, по воле приёмного отца, Хэ Сы против своей воли стал новым главой Восточной палаты.

Почтительный титул — Девять тысяч лет. Просторечное прозвище — собачий евнух.

Вот так, прожив на свете восемнадцать лет, порыбачив, поземледелив, попрошайничав, он в одночасье стал штатным чиновником, да ещё и главой вселяющей ужас Восточной палаты. Что ж, тоже своего рода успех.

Вручая Хэ Сы печать, приёмный отец дал ему три наставления.

Первое: продолжить его незавершённое дело, а именно — развивать и укреплять влияние Восточной палаты, неукоснительно придерживаясь принципа «не покоряешься — уничтожаем, уничтожил — и дело с концом».

Второе: устранять инакомыслящих, подавлять оппозиционные группировки и при этом постоянно не забывать выжимать соки из народа, дабы казна Палаты всегда ломилась от богатств.

И последнее отец произнёс с особой проникновенностью:

— Четвёртый, мне не удалось, но ты должен выложиться по полной... — Он сжал пальцы в кулак, и на лице его появилось свирепое выражение. — Ради меня уничтожь эту сволочь из Императорской гвардии!

Хэ Сы задумался: что-то тут не так.

— Отец, вы же всегда твердили, что я должен помнить: служение императору — мой первейший долг. Ни один из этих трёх пунктов не связан с нынешним государем!

Приёмный отец лишь равнодушно промычал:

— А, это... Если будет время, можешь и о нём подумать. — Затем, не удержавшись, добавил на своём северном диалекте:

— Главное, помни — обязательно прикончи этих старых сук из Гвардии!

Хэ Сы: «...»

Что касается отставки старого главы Палаты, все четверо Великих Хранителей единодушно выразили сожаление. Ведь их патрон, хоть и был сед как лунь, но ещё бодр духом, и уже пережил шестерых императоров, глядишь — переживёт и седьмого, и тогда его имя навеки будет вписано в историю Восточной палаты и всего Великого Янь!

Хэ Сы швырнул кисть на стол. И что тут такого сожаления?! Уморить семь императоров — это что, дракона призвать, что ли?!

Внезапно с потолочной балки бесшумно спустилась тень. В мгновение ока кисточка для письма, сделанная из шерсти молодого волка, лишь на мгновение коснувшаяся пола, была бережно водворена обратно в руку Хэ Сы.